

УДК 811.11

Л. Г. Казарян

Московский институт управления
3-й проезд Перова Поля, д. 8, стр. 11
Москва, 119421, Россия
E-mail: alla_bystrova@mail.ru

**ОБ ИНТЕГРАТИВНОМ МЕТОДЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
(ОПЫТ АНАЛИЗА ЭЛИМИНИРОВАННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ)**

В статье обобщается опыт функционально-интегративного анализа элиминированных предложений в современном немецком языке. Интегративный анализ, сущность которого заключается в исследовании выражения лингвистических отношений между целым и его частями, признается основополагающим методом, отвечающим научным императивам сегодняшнего дня, поскольку нацелен на исследования внутренних особенностей языка с учетом семиотического характера его социальной природы и специфики использования в целях общения. Подход к элиминированному синтаксическому знаку не только как явлению языка, но и как речевому сегменту системы позволил установить лабильный характер номинативного и коммуникативного аспектов предложения: Семантика элиминированного предложения демонстрирует широкие возможности модификации и приращения некоторых новых смыслов под влиянием среды и реализации в этой среде специфических коммуникативно-прагматических намерений.

Ключевые слова: функционально-интегративный анализ немецких элиминированных предложений, лингвистические отношения между целым и его частями.

В последние десятилетия XX в. не только признание самыми разными лингвистическими направлениями, но и их дальнейшее, хотя часто и неоднозначное, толкование самих терминов «система» и «системность», идеи системности, системного характера языка, присутствовавшие в неявном виде еще и в дососсюррианской лингвистике, но теоретически обоснованные именно Ф. де Соссюром через введенные им понятие соотносительной значимости или ценности (*valeur*) языковых единиц и понятие ассоциативных отношений (парадигматических и синтагматических) у этих же единиц, получили развитие как в общетеоретическом, так и в практическом плане. Все это в конечном счете способствовало повсеместному распространению в лингвистике системного подхода и системных исследований. Важнейшим аспектом таких исследований явился последовательно реализуемый взгляд на систему языка под углом зрения антиномии «язык – речь», вследствие чего язык предстает двуликим Янусом: и как некая абстрактная система, и как функционирующая система.

Интерес к функциональному аспекту системы языка возник давно и начинался с анализа характеристик языковых форм на основе их функций. Принцип «функционализма» получил позднее распространение в многочисленных научных парадигмах: структурно-семантической, когнитивной, семиотической, коммуникативно-прагматической и собственно функциональной. Выделение специфических для каждого направления функций и выдвижение идей и взглядов, объединяемых в рамках этих парадигм, опирается на сформулированные еще К. Бюлером [2000] три функции знака: символическую (обусловленную соотносительностью знака с предметами и ситуациями), симптоматическую (обусловленную зависимостью знака от отправителя сообщения) и сигнализирующую (обусловленную его воздействием на получателя сообщения), не разрушает цельности системы, а лишь заостряет внимание на многоаспектном и полифункциональном ее характере, способствует расширению и углублению теоретико-методологической базы в исследовании языка.

Возникновение и становление в какой-то мере конкурирующих друг с другом теорий объясняется сложностью и разноплановостью того, что включает в себя язык: язык как система знаков, речь как функционирование этой системы, способность как predisposedность человека к различным видам означивания с последующей реализацией в акте коммуникации, языковая компетентность как способность интериоризировать и корректно применять язык.

Очевидно, что исчерпывающее объединение всех названных аспектов в рамках какой-либо одной теории или одного лингвистического направления – задача чрезвычайно сложная или, скорее, даже невозможная. Однако учет максимального количества сторон (функций) при анализе отдельных языковых явлений и отдельных участков языковой системы в наибольшей степени соответствует научным императивам сегодняшнего дня, поскольку такой подход приближает к решению занимавшего лингвофилософов XX в. и стоящего перед лингвистами XXI в. вечного вопроса «о соотношении трех компонентов: Языка, Действительности и Привязки языка к действительности» [Николаева, 1995. С. 382]. Проблема взаимодействия языка и действительности решается на современном этапе в рамках интегративного функционального анализа, предназначенного для выявления роли функционирующей единицы в структуре единицы более высокого уровня.

Интегративный функциональный анализ, сущность которого еще А. Мартине определил как «лингвистическое выражение отношений между взаимодействующими элементами и целым» [Martinet, 1972. P. 49], получает новый исследовательский импульс и рассматривается в качестве способа и метода, совмещающего во всех названных парадигмах исследование внутренних особенностей языка с учетом семиотического характера его социальной природы и специфики его использования в целях общения. Функциональный анализ в двух его реализациях – дистрибутивной и интегративной – соответствует двойственной природе языка как системного образования и на парадигматическом, и на синтагматическом уровнях.

Известно, что язык располагает двумя подсистемами – грамматической и лексической, каждая из которых по-разному участвует в когнитивной репрезентации, под ко-

торой Л. Телми понимает «...объект, создаваемый с помощью различных когнитивных процессов из референциальных значений элементов, составляющих предложение, понимания речевой ситуации, фоновых знаний и т. д.» [Телми, 1999. С. 114].

Грамматическая подсистема включает в себя не только «схематические» категории отдельных величин, зафиксированных в определенных формах, но и систему структур, отражающих концептуализацию способа сегментации целых ситуаций (сцен), связанных с членением обозначаемых сцен на эпизоды и участников с установлением отношений между ними. В позиционных схемах, таким образом, отражается денотативная ситуация – пропозиция. Одна и та же пропозиция может быть передана различными способами. Например: Ветер дует. Ветер. Дует.

Двухкомпонентная структура пропозиции, в которой эксплицитно выражены оба члена предикативного отношения – субъект и предикат, признается традиционным, логически обоснованным типом [Адмони, 1955; 1973; 1988; Золотова, 1973; 1995; 2001; Левицкий, 1992; 1999; Попова, 1984; и др.]. Односоставные структуры, состоящие из одной словоформы, или двусоставные с усеченной формой выражения предикативного отношения рассматриваются как «нетипичные», периферийные явления синтаксической системы. Таким образом, сам способ оформления предикативного отношения может выступать средством моделирования, категоризации и типологизации предложений.

В свете вышеизложенных положений предпринята попытка классификации предложений – как простых, так и сложноподчиненных, на основе критерия «элиминированности»¹.

Элиминация выполняет функцию «строевой дискретности» (термин Н. А. Кобриной) [Кобрина 2001. С. 6] и служит основанием для формально-типологической систематизации моделей с дифференцирующим противопоставлением неполное / полное, односоставное / двусоставное.

¹ «Элиминация» (от фр. *elimination* – «удалять») традиционно употребляется в качестве синонима слова «эллипсис» («опущение»), поэтому в работе мы иногда заменяем «элиминация» словом «опущение».

Элиминация, затрагивающая компоненты предикативной линии и формирующая предложения с особой формой выражения предикативного отношения в рамках только одного, но базообразующего логико-грамматического аспекта, позволяет, как представляется, подойти к проблеме опущения с новой, еще малоизученной и слабо освещенной стороны. «Опущение» не любых, а четко фиксируемых компонентов предложения, какими являются главные члены предложения, способно коренным образом сказаться на категориальных значениях элиминированных предложений, вызывая существенные модификации их дистрибутивно-интегративных функций при введении в речевое и текстовое образование.

Системная организация заявленного в работе материала с учетом обозначенного принципа, легла в основу концепции, суть которой заключается в категоризации элиминированных по «предикативной линии» структур. Регулярное опущение в рассматриваемом типе предложений его глагольной части и оформление их как безглагольных свидетельствует, по нашему мнению, об их особом содержании. Экспликация подразумеваемого, но неназванного смысла осуществляется за счет эксплицитно выраженных необходимых членов предикативного отношения и речевой ситуации, предопределяющих как само «опущение», так и стратификацию значения и смысла в рамках предложения со структурно неполной предикативной осью.

Так, уточнение грамматических, категориальных значений предикативных форм безглагольного (афинитного)² подчиненного предложения происходит не в последнюю очередь за счет соотношения этих значений с четко, эксплицировано выраженными значениями главного предложения. Каждая из этих форм выступает в пределах сложноподчиненного предложения как форма реляционного функционирования, ориентированная на определенный компонент речи и обусловленная его первичным параметром – главным предложением. Отношения корреляции, возникающие между господствующим и зависимыми цен-

трами, цементируют сложноподчиненный комплекс как единое целое и часто оказываются решающими в определении статуса и семантики формы, чаще всего причастия II, которое является компонентом ряда глагольных форм. Например:

- причастие II как часть аналитической глагольной формы в индикативе – «Dorthin war er nach der Schule heimgekehrt, nachdem er einen Spaziergang, wie eben jetzt **gemacht**, an einen Wand hatte sein Tisch gestanden, in dessen Schublade in seine ersten, innigen und hilflosen Verse verwahrt hatte...» (Th. Mann);

- причастие II как часть аналитической глагольной формы в конъюнктиве – «Es schien, Verehrte, als ob uns allen auf diese Weise schon etwas abhanden **gekommen**...» (E. T. A. Hoffmann).

Крупнейшие писатели, признанные мастера слова XIX–XX вв., среди которых Эрнст Теодор Амадей Гофман и Томас Манн, часто прибегают в своих произведениях к безглагольному способу организации сложноподчиненных предложений, используя для его «аранжировки» целый арсенал языковых средств, делающих эти предложения максимально понятными, логически завершенными, а в структурном плане компактными и изящными.

При выражении значения «предшествования» при афинитном сказуемом довольно часто используются так называемые «лексические указатели времени»: обстоятельственные наречия, обозначающие «предшествование» как общее понятие (vorhin, danach, früher и т. д.) или конкретизирующие его оттенки, как в приведенном нами предложении Томаса Манна, где («eben jetzt») указывает на завершение одного действия по отношению к другому.

Временной союз «nachdem» уже своей семантикой определяет значение подчиненной части и самое содержание логической, смысловой и грамматической связи между господствующей и подчиненной частями, в результате чего причастие II «gemacht» – афинитное сказуемое – является выразителем действия со значением «предшествования – завершенности». Опущение спрягаемой части никак не сказывается на смысловом содержании предложения. Более того, в какой-то мере финитный глагол оказывается «избыточным», утяжеляющим структуру всего сложноподчиненного предложения.

² Под «афинитностью» (термин В. Г. Адмони) понимается опущение вспомогательных или связочных глаголов у сказуемого в подчиненной части сложноподчиненного предложения.

Второе предложение, взятое из произведения Эрнста Теодора Амадея Гофмана, представляет собой высказывание, четко распадающееся на модусную часть – главное предложение, и диктумную часть – подчиненное предложение. Грамматические проекции внутри комплекса возникают на семантической линии и становятся определяющими в сфере формально-грамматической репрезентации. Подчиненное предложение («als ob uns allen auf diese Weise schon etwas abhanden gekommen») относится к главному, содержащему глагол «scheinen», который означает ‘...so etwas wie eine undeutliche Wahrnehmung oder eine ungenaue Einschätzung’ [Duden, 1995. S. 746].

Присоединение подчиненного предложения с «als ob» значительно усиливает характеристику «неясного, неотъемлемого» восприятия или «неточной оценки». Семантика «цельного» предложения диктует выбор наиболее подходящей «модусной» глагольной формы, а именно, конъюнктива II. В предложениях с «als ob» конъюнктив II является «конвенционально» предписанной формой: «Als Modus tritt gewöhnlich der Konjunktiv II... ganz selten der Indikativ» [Duden, 1995. S. 746].

Учитывая тот факт, что при категоризации семантики элиминированных предложений решающую роль играет состав опущенных частей и состав компонентов, остающихся в предложении после опущения, мы считаем необходимым устанавливать в системной организации семантического содержания взаимосвязь языковых и речевых аспектов в их отношении к средствам формального выражения.

В этом смысле показательным является, на наш взгляд, пример из новеллы Стефана Цвейга: «Was ich dann tat, wie konnte es anders als gleichfalls ganz sinnlos sein, es war töricht, sogar dumm, fast schäme ich mich, es zu erzählen – aber ich habe mir, ich habe Ihnen versprochen, nichts zu verschweigen: nun, ich... ich suchte mir jeden Augenblick zurück, den ich mit ihm **verbracht**... es zog mich gewaltsam hin zu allen Orten, wo wir gemeinsam gestern **gewesen**, zu der Bank im Garten, von der ich ihn **weggerissen**, in den Spielsaal, wo ich ihn zum erstenmal **gesehen**, ja in jene Spelunke sogar, nur um noch einmal, noch einmal das Vergangene wieder zu erleben» (St. Zweig).

Обширное предложение представляет собой фрагмент текста, в котором героиня

новеллы рассказывает об одном из наиболее драматических моментов из «двадцати четырех часов», одних суток своей жизни, едва не разрушивших всю ее жизнь. Повествуя о событиях и перипетиях этих суток, обнажая при этом не без чувства смятения и стыда свою душу, героиня заново переживает все, что случилось тогда. Теперь, спустя долгие годы, она анализирует себя, свою страсть, пытаясь найти объяснение происшедшему, разгадать психологическую загадку своей души. Вызывая в памяти не только события, но, главным образом, чувства и эмоции, она доказывает на собственном примере, как непредсказуема может быть человеческая душа, как часто «рациональное» в поведении человека уступает место бессознательному и что человек не всегда способен сопротивляться подсознательным моментам.

Точность передачи повышенного эмоционального состояния, сказывающегося на взволнованно несвязанной речи и прерывистом течении мысли героини, достигается и в приведенном примере, и в новелле в целом, рядом средств и приемов. Осуществление идейно-художественного замысла происходит путем снятия разделов между синтаксическими единицами, их непосредственным сталкиванием, вовлечением в единый речевой поток, насыщением предложений многими параллельными синтаксическими образованиями, лексическими повторами, т. е. самим строением фразы, превращающейся в многочленное длинное (иногда сверхдлинное) предложение.

В составе таких длинных предложений постоянно появляются усеченные подчиненные предложения, которые создают еще большее впечатление отрывистости, «скачущего» хода мысли и речи, отличающих предельно взволнованного человека. В таком речевом потоке, когда говорящий на ходу подбирает слова, стремясь при этом одновременно быть предельно понятным и убедительным, всякого рода опущения и сокращения, особенно семантически незначимых вспомогательных слов, как это бывает при усечении финитных глаголов в подчиненных предложениях, воспринимаются как спонтанная, естественная речевая реакция, как закономерное следствие сложных аффективных процессов.

В другой новелле Стефана Цвейга «Амок», стоящей и по способу, и по форме

повествования, и по накалу психологических переживаний и страстей очень близко к новелле «Двадцать четыре часа из жизни женщины», мы находим в речи главного героя, врача, прожившего большую часть жизни на чужбине, в тропиках, измученного жизнью, опустившегося человека, тоскующего по родине, жаждущего любви, человечности, дружбы, также афинитные подчиненные предложения, выполняющие, как и в первой новелле, ту же самую стилистическую функцию и реализующие аналогичную авторскую идейно-художественную установку. Приведем лишь одно из многих афинитных предложений, встречающихся в этой новелле Стефана Цвейга: «Wenn mein Blick den seinen traf, so... nein, ich kann es nicht schildern... so kann etwas so Flehendes, so... so Dankbares in seinem hündischen Blick, und gleichzeitig hob er die Hände zu mir, als wolle er mich beschwören, sie zu retten... verstehen Sie: zu mir hob er die Hände wie zu einem Gott... zu mir... dem ohnmächtigen Schwächling, der wußte, **daß alles verloren... daß ich hier so unnötig** wie eine Ameise, die am Boden raschelt...» (St. Zweig).

Выявление и описание сущностных характеристик семиотического процесса, определяемого элиминацией и приводящего к построению специфического сентенциального знака, а также к уточнению закономерностей его конструирования как явления языка и речи, является актуальной задачей, соответствующей современному состоянию и уровню развития лингвистики, ориентированной на изучение и систематизацию языковых объектов и поиска нового основания для упорядочения постоянно меняющегося многоаспектного языкового континуума. Комплексно-интегративное исследование, результатом которого должно стать онтоло-

гическое описание специфического участка системы немецкого языка, нацелено на разработку трех аспектов элиминированного знака – предложения: синтактику, семантику и прагматику.

Такой подход реализуется в работе в привлечении к анализу элиминированных структур в рамках как простого, так и сложноподчиненного предложения, в их детальной систематизации и описании способов функционирования самых разных видов и форм речи. Элиминированная форма предикативного отношения, оформляемая как «безглагольная», затрагивающая простое и сложноподчиненное предложения, представляет собой отдельный фрагмент синтаксической системы, обладающий набором схожих для этих типов предложений таксономических и семантических признаков. Как в простом, так и сложноподчиненном предложении безглагольные структуры образуют четко структурированное поле, континуум, который исходя из формы элиминированного члена можно назвать «полем безглагольности».

Безглагольные формы и выражения предикативного отношения в двух названных типах предложения – простом и сложноподчиненном – представлены двумя противопоставленными структурными группировками: микрополем односоставности – микрополем двусоставности.

Каждое из полей обладает некоторой протяженностью в виде родственных синтаксических образований, выражающих, хотя и с разной степенью полноты, признаки обозначенного поля. В целом, «поле безглагольности» – маркирующий признак рассматриваемого способа оформления предикативного отношения – характеризуется «двухцентричностью».

Простое предложение	Сложноподчиненное предложение
<i>Односоставное:</i> Laue Wärme, kühle Nacht, und helles Licht	<i>Односоставное подчиненное:</i> «Sie haben meine Hermes-Baby genommen und in den weißen Schrank geschlossen, weil Mittag, weil Ruhestunde» (M. Frisch)
<i>Двусоставное:</i> Ende gut, alles gut	<i>Двусоставное:</i> Sicher eng und wohl, als weit und weh

Наш опыт исследования элиминированных предложений показал, что способы элиминации, редукции внешней формы предложения, могут быть весьма причудливыми и многообразными – от сложившихся в рамках системы логико-грамматических типов предложения, допускающих возможность образования на их основе внеситуативных предложений (классический пример: Ночь. Улица. Фонарь. Аптека.), до синтаксических образований, носящих окказиональный конситуативный характер. Например: Oh, schön!

Окказиональные, грамматически нетипизированные эллипсы, в плане систематизации представляют наибольшую сложность, так как ситуация, контекст, сдвиги в эмоциональном состоянии говорящего способствуют значительным, часто неожиданным и трудно поддающимся исчислению смещениям в форме предложения.

По нашему мнению, их необходимо рассматривать как формы, производные от структур, закрепленных в логико-грамматических типах предложений. Всякого рода «опущения» становятся возможными именно потому, что в языке (языках) закреплена определенная для каждого логико-грамматического типа соответствующая оснащенность необходимыми компонентами.

В предложенном нами выше «поле безглагольности» такие окказиональные структуры – вопросительные и восклицательные предложения самого разного вида и способов усечения, однословные конструкции и т. д., могут быть расположены между микрополями и вокруг них.

Ядро микрополя безглагольности в простом односоставном предложении составляют односоставные номинативные, «бытийные» предложения. Помимо признака безглагольности, названный тип обладает признаками, происхождение которых обусловлено наличием одного члена в форме *имени в именительном падеже*. Ближе всего к односоставному бытийному типу располагаются предложения, где к бытующему объекту прибавляется компонент с обстоятельством, пространственной и временной семантикой: Wunderbare Ruhe überall. Wieder Stille.

В данном случае мы имеем дело с пространственным бытийным предложением, в котором утверждается не форма бытия вообще, а бытие, конкретизированное во вре-

мени или пространстве. Поле односоставности и номинативности может быть расширено за счет: 1) так называемого именительного представления (Schwarze Röcke, seidne Strümpfe...); 2) назывных предложений, встречающихся на книжных обложках, вывесках и т. д. (например, «Krieg und Frieden»); 3) к дальней периферии можно отнести конструкции-обращения – вокатив (Du Idiot! Du, Feigling!).

В рамках сложноподчиненного предложения «ядерным» типом, в котором признак безглагольности доведен до своего логического завершения, является предложение, состоящее из подчинительного союза и существительного в именительном падеже.

Предметно представленное действие или состояние выступает в подчиненном предложении как субъект бытия; предикативный признак – существование, наличие: а) бытийного, т. е. ни от кого не исходящего, в полном отвлечении от их носителя или производителя состояния («weil Mittag», «weil Gischt»); сюда относятся предложения со словами, обозначающими состояние внешней среды, стихийного явления, момента или отрезка времени); б) иногда это существование лица в его соотнесенности с определенной сферой деятельности или родом занятий (ср.: «weil Fachmann»).

Структурно-семантические характеристики названных подчиненных предложений свидетельствуют о том, что они могут быть определены как «односоставные безглагольные» или, более точно, как «экзистенциальные» подчиненные предложения.

Бытийный тип подчиненных предложений может быть расширен за счет предложений, организуемых предикативными прилагательными. «Адъективные» бытийные подчиненные предложения ограничиваются словами, называющими состояние внешней среды т. е. словами-прилагательными, которые образуют лексическую основу безличных двусоставных предложений. Например: «Wir standen draussen auf einem Dach, wo es weniger stank, aber um so heißer war, weil schattenlos...» (M. Frisch). Семантика предложения, наличие состояния, во многом предопределяется прилагательным «schattenlos», представляющим собой отыменное образование с суффиксом -los. Без всякого ущерба для смысла и структуры названное предложение можно было бы представить как номинативное «kein Schatten», что еще

раз подтверждает его принадлежность к бытийным предложениям.

Сопоставление бытийных подчиненных с аналогичным типом простого самостоятельного предложения, с одной стороны, позволяет обнаружить их сходство, с другой стороны, в подчиненном предложении появляется «адъективный» подтип, не существующий в простом самостоятельном предложении. Слово-прилагательное, взятое в отдельности (например, «schattenlos»), не может образовать в немецком языке самостоятельное предложение – оно всегда будет обозначать свойство или качество, приписываемое какому-либо понятию и предмету. Оно может приблизиться к «предложенческой» формуле лишь в ответе-реплике. Например: *Wie ist heute der Himmel? – Schattenlos.*

Однако и в данном случае прилагательное сохраняет свое значение качественного признака существительного «Himmel», что резко отличает его от того же прилагательного в рассмотренном выше подчиненном бытийном предложении. Полагаем, что приведенный пример дает основание говорить об уточнении и расширении определенных логико-грамматических типов, сложившихся в простом предложении. Очевидно также и то, что структурно-семантическая организация полипредикативных единиц, в которых предикативные центры, коррелируя друг с другом, образуют единое сложное целое, способна не только количественно, но и качественно усложнять грамматические формы, порождая иногда их новые типы.

Ядро простых двусоставных безглагольных предложений образует предложение *Schäume - Träume*. По общей семантике предложения этого типа легко вписываются в группу с бытийным значением. Однако в отличие от прототипической схемы бытийного предложения, в котором нет предиката и в котором предикативное отношение манифестируется формой именительного падежа существительного, в рассматриваемом типе предикативное отношение выражено посредством смысловой и синтаксической идентификации двух форм именительного падежа, репрезентирующих в расчлененном виде оба главных члена предложения. Вокруг выделенного ядра в его ближайшей периферии располагаются предложения типа: *Alles Unsinn. Alles in Ordnung*. По своей

соотнесенности с действительностью они обозначают также бытийность и легко трансформируются в номинативное предложение, поскольку первый член конструкции «alles», по сути, – формальный компонент, который без ущерба для смысла может быть опущен вовсе: *Alles Unsinn – Unsinn*, или может быть представлен в виде детерминанта-расширителя: *Alles in Ordnung – Ordnung – Ordnung überall*. И даже конструкция *Alles fertig*, скорее, трансформируется в семантически законченное высказывание *Ende*.

Безглагольное двусоставное подчиненное предложение представляет собой особым образом организованный предикативный центр, предназначенный для функционирования в качестве неотъемлемой части единой полипредикативной структуры, грамматическое значение которой (модальность, время, залог и т. д.) выявляется на основе анализа значений словоформ, репрезентирующих каждый данный тип. Соответственно этому основному значению афинитные типы получают свои обозначения: «временной» тип, «модальный», «залоговый» и т. д.

Предложения с элиминированной формой выражения предикативного отношения как структура своеобразного вида, отличающаяся уже с чисто внешней стороны от подавляющей массы предложений, полноценных в структурном отношении, обладают ярко выраженной силой, динамизмом. Присущая таким предложениям весомость выступает в качестве имманентного свойства такого типа предложений, где структурная напряженность ее оформления определяет большую структурную и смысловую значимость оставшихся после усечения элементов. Заключенный в структуре элиминированных предложений дополнительный, в сравнении с обычными нормальными структурами предложений, потенциал чрезвычайно важен, на наш взгляд, для функционирования этих синтаксических образований в различного рода, в частности художественных, поэтических, текстах.

Не имея возможности подробно останавливаться на текстовых функциях всех перечисленных типов безглагольных предложений, предлагаем для иллюстрации лишь некоторые выводы относительно простого односоставного номинативного предложения.

1. Односоставные номинативные предложения в авторской речи состоят, как правило, из нескольких однородных номинативных существительных и являются предметно-бытийными, ситуативно-бытийными, обстоятельно-бытийными мини-описаниями, которые естественным образом вплетаются в большие по размеру описательные фрагменты нарративных текстов. Например: **«Krieg und Kriegsgeschrei, Einquartierung und Geschäftigkeit. Preussische Offiziere bewegen sich in der parkettierten Zimmerflucht der Bel-Etage von Senator Buddenbrooks neuem Hause, küssen der Hausdame die Hände und werden von Christian, der von Oeynhausen zurückgekehrt ist, in den Klub eingeführt, während im Mengstrassenhause Mamsell Severin, Riekchen Severin, der Konsulin neue Jungfer, zusammen mit den Mädchen eine Menge Matratzen in das "Portal", das alte Gartenhaus, schleppt, das voll von Soldaten ist»** (Th. Mann).

2. Функционирование односоставных номинативных предложений в обоих типах речи – авторской и речи персонажей – позволяет наметить некоторые специфические тенденции структурно-семантического и коммуникативно-прагматического характера. Данный тип предложения выступает в двух инвариантных формах: 1) в форме односоставного бытийного предложения, например, **«Finsternis, kein Licht weit und breit»** (B. Kellermann), и 2) в форме односоставного номинативного предложения, в котором номинативный компонент утрачивает свойственное бытийным предложениям значение существования безотносительно какой-либо временной или пространственной точки, например, **«"Dummkopf!" murmelt der Senator»** (Th. Mann). Односоставное номинативное предложение представляет собой, скорее, контекстно-ситуативный эллипсис, который реализует свои значения при поддержке контекста и ситуации. В соответствии со своими семантическими особенностями безглагольные предложения названных видов достаточно последовательно закрепляются за одной из форм речи: а) односоставное бытийное предложение – это преимущественно зона авторской речи; б) односоставное номинативное предложение функционирует в основном в речи персонажей.

3. Основной функцией бытийных предложений в рамках анализируемых narra-

тивных произведений является текстообразующая функция зачина, завязки. Данная функция во многом определяется присущим экзистенциальным предложениям темпоральным значением эксклюзивного настоящего, легко аккумулируемого контекстом следующих за ним различных по типам и темпоральным значениям предложений. Безглагольное предложение, открывая собой текстовый фрагмент, создавая темпоральный фон последующих предложений, оказывается одним из средств, обеспечивающих когерентность текста как в смысловом, так и в грамматическом аспектах (см. пример из Томаса Манна).

4. Функция зачина выступает в рассматриваемых произведениях художественной литературы как один из частных случаев более общей «коммуникативной» функции, или функции «коммуникативной установки», отражающей авторское мировосприятие и способ его реализации. «Интродуктивная» функция связана, помимо всего прочего, со стремлением к максимальной концентрации, выражению в предельно малом отрезке текста наиболее значимого, очевидного, емкого понятия.

Предлагаемый комплексно-интегративный анализ элиминированных предложений дает возможность:

- рассмотреть сущность базового конститутивного признака предложения – предикативности, и роли предикативного отношения в организации ментального субстрата языка и его реализации в предложении и речи; выделить специфические характеристики предикативного отношения, релевантные для осуществления процесса семиозиса элиминированного синтаксического знака и ментальных операций, ведущих к построению различных типов элиминированных предложений;
- выявить и описать полевую структуру маргинальных (элиминированных) форм выражения предикативного отношения в рамках простого и сложноподчиненного предложений, представить дискретно-структурное описание элиминированных языковых единиц как системы систем;
- разграничить семантику и прагматику элиминированных синтаксических знаков как явления языка с выделением их функциональных потенциалов и как явления речи с конкретизацией функции высказыва-

ния, не отделимой от намерения (интенции) говорящего в акте речи;

- разграничить и соотнести функции элиминированных знаков как предложений и высказываний с целостным текстом при конкретизации аспектов собственно языкового содержания и содержания смыслового;
- наметить специфику функционирования элиминированных предложений в двух разновидностях поэтического текста – стихотворного и прозаического.

Таким образом, верификация эмпирических наблюдений над элиминированными предложениями на основе интегративного метода исследования, предполагающего привлечение данных о синтаксических, семантических и прагматических аспектах рассматриваемого явления, дает право говорить об элиминированном сентенциальном знаке, об отдельных его типах и сумме его разновидности как лабильной, динамической системе, чутко реагирующей на среду и способной к самоорганизации и детерминации.

Элиминация форм в сфере выражения предикативного отношения должна рассматриваться как исходный способ систематизации и полевой структуризации (с выделением ядра / прототипа) корпуса предложений, в которых элиминация затрагивает их структурную, а не смысловую полноту. Элиминация компонентов на оси «предикативности» выступает также средством отграничения таких элиминированных – неполных, предложений от собственно эллиптических конструкций, представляющих в силу их как структурной, так и смысловой неполноты крайнюю и производную форму рассматриваемого нами элиминированного типа.

Список литературы

Адмони В. Г. О двусоставности предложения // Учен. зап. ЛГПИИЯ. Новая серия. 1955. Вып. 2. С. 60–76.

Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка. Система отношений и система построения Л.: Наука, 1973. 366 с.

Адмони В. Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики М.: Наука, 1988. 239 с.

Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М., 2000. 528 с.

Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка М.: Наука, 1973. 351 с.

Золотова Г. А. Монопредикативность и полипредикативность в русском синтаксисе // Вопр. языкознания. 1995. № 2. С. 99–109.

Золотова Г. А. Грамматика как наука о человеке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 107–113.

Левицкий Ю. А. Система синтаксических связей. Пермь, 1992.

Левицкий Ю. А. Язык, речь, текст: Учебное пособие по курсу «Общее языкознание». Пермь, 1999. 124 с.

Николаева Т. М. Лингвистика начала XXI века: попытка прогнозирования // Лингвистика на исходе XX в.: итоги и перспективы: Тез. докл. междунар. конф. М., 1995. С. 379–382.

Попова З. Д. Может ли обойтись синтаксис без учения о членах предложения? // Вопр. языкознания. 1984. № 5. С. 76–87.

Телми Л. Отношение грамматики к познанию // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 9: Филология. 1999. № 6. С. 104–128.

Duden – Grammatik der deutschen gegenwartssprache. Duden; Mannheim, 1995. Bd 4. S. 864.

Martinet A. Cas ou fonctions? A propos de l'article «The Case for Case» de Ch. J. Fillmore // La linguistique. 1972. Vol. 8 (1). P. 5–24.

Список цитируемых источников

Frisch S. M. Homo faber. Suhrkamp Taschenbuch, 1975. 203 S.

Hoffmann E. T. A. Märchen und Erzählungen. Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1982. 667 S.

Kellermann B. Der 9. November. M., 1967. 380 S.

Mann Th. Buddenbrooks. Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1973. 808 S.

Zweig St. Novellen. M., 1965. 356 S.

L. G. Kazaryan

**Towards an Integrative Method of Research of Syntactic Components
(An Analysis of Elliptical Sentences in Modern German)**

This paper contains a description of the functional-integrative analysis of elliptical sentences in modern German. The integrative method which is employed focuses on the relationship between the system as a whole and its interacting parts (elements), the internal characteristics of a language as a social phenomenon, and the semiotic nature of language and its specific use in communication. This approach reveals nominative and communicative features of elliptical signs.

Keywords: the functional-integrative analysis of German elliptical sentences, the linguistic relationship between the system as a whole and its interacting parts.